

Евгений Павлов-Сибиряк

**В паутине
магии**

18+

Евгений Павлов-Сибиряк

В паутине магии

<https://litres.ru/74197622>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они живут среди нас. Не сказочные колдуны в мантиях и не ведьмы с метлами – обычные люди. Те, кто умеет шепнуть слово, бросить злобный взгляд, оставить на пороге незаметную вещицу. И мир вокруг них меняется.

Эта книга – не учебник магии. Это хроника столкновений. С порчей, уничтожающей урожай за одну ночь. С приворотом, превращающим любовь в каторгу. Со сглазом, от которого не спасает врач.

Здесь нет выдумок. Каждая история случилась на самом деле. С реальными людьми. Здесь настоящие слёзы, настоящая боль и – если повезёт – настоящее спасение.

Вы можете не верить в магию. Это ваше право. Но тогда ответьте: как объяснить младенца, который чахнет на глазах без всякой причины? Или старую знахарку, которая закрывает глаза целой инспекции?

«В паутине магии» – сборник свидетельств. Для тех, кто готов признать: мир не такой уж простой, как кажется. И иногда единственный способ выжить – это возможность узнать про

ту самую «паутину», которую так удобно скептикам называть предрассудком.

Содержание

Пролог	5
Наведенный морок	8
Загадочное колесо, или Невероятная месть ведьмы	15
Переклад, или Обратная сторона портрета	24
На волосок от гибели, или Всеразрушающая порча	34
Наведенная порча. Или подлый удар откуда не ждешь	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Евгений Павлов-Сибиряк

В паутине магии

Пролог

Вы держите в руках очередную книгу из серии «НЕВЕДОМОЕ». Нет, это не учебник, не справочник. Это – хроника. Живая, пульсирующая, пропитанная болью, страхом и, вопреки всему, надеждой.

Что внутри?

Раздирающие душу истории людей, чьи близкие оказались в паутине магии. Их приворожили – и любовь превратилась в каторгу. На них навели порчу – и здоровье рухнуло в одночасье. Их младенцев сглазили — и врачи разводили руками, а ребёнок таял на глазах. Им делали подклады – и смертельная программа высасывала здоровье, жизнь из тех, кто оказался рядом. Им подселяли злобных существ – и дети начинали лаять по-собачьи, а взрослые теряли рассудок.

Здесь есть истории о том, как при помощи древних заговоров знающие люди ловили воров на месте преступления – и те ходили по кругу, не в силах переступить невидимую черту. Есть встречи с ведьмами, которые чинили зло и забивали годы молодой жизни у случайных прохожих. И есть – на

другой чаше весов – истории о знахарках, которые спасали, отчитывали, выводили порчу, возвращая людям право жить.

Это – карта территории, о существовании которой многие предпочитают не знать. Территории, где за обыденностью скрывается тёмная изнанка и те, кто умеет взглядом высушить душу.

И вот о чём я хочу поговорить с вами, прежде чем вы перевернёте страницу.

Есть у человека забавное свойство – отрицать то, что не вписывается в его картину мира. Складная, удобная картинка, где всё разложено по полочкам: причина – следствие, болезнь – таблетки, смерть – конец. Никаких чудес. Никакой магии. Только наука, логика и здравый смысл.

И таких людей, к счастью, – большинство. Они живут спокойно, не верят в порчу, не боятся сглаза, не ходят в церковь, не обращаются к знахаркам. Они говорят: «Всё это предрассудки. Самовнушение. Удел необразованных и мнительных». А всё потому, что они – не сталкивались. Действительно не сталкивались. Вот поэтому не верят.

Хорошо им. Пусть и дальше живут в своём уютном мире, где всё объяснимо и предсказуемо. Где нет места тёмным силам, проклятиям и колдовским подкладам. Я искренне желаю им никогда не столкнуться с тем, что отрицаешь. Потому что, когда столкнёшься — назад дороги нет. Иллюзия рушится, и ты остаёшься один на один с реальностью, в которой существуют вещи, не имеющие научного подтвержде-

ния.

Эта книга – не призыв верить в магию. Это – предупреждение. Она о том, что мир не такой уж простой. Что за привычной реальностью существует другая, тёмная, липкая паутина. И в ней – свои законы, свои хозяева и свои жертвы.

Те, кто рассказывает здесь свои истории, не искали встречи с магией. Они просто жили. Работали. Любили. Растили детей. А потом в одночасье – оказывались в этой паутине. И выбирались из неё кто как мог.

Одним помогла вера и церковь. Другим – знахари. Третьим – собственная воля. Но все они согласны в одном: магия есть. Она работает. И она не прощает легкомыслия.

Так что, дорогие скептики, если вы всё ещё уверены, что это – сказки, просто закройте книгу. Не читайте. Не портьте себе картину мира. Живите спокойно.

Но если вы хоть на миг задумались – тогда читайте. И запоминайте.

Потому что, возможно, когда-нибудь эта информация спасёт вас или ваших близких. А если нет – просто запомните: вы были предупреждены.

Теоретически окунайтесь в паутину магии. Выход – не гарантирован.

Евгений Павлов-Сибиряк

Наведенный морок

Я не учёная и не философ, но твёрдо убеждена: магический морок – это не выдумки и не досужие рассказы. Это реальная, хотя и невероятная сила. Тот, кто умеет ею управлять, способен на удивительные вещи, которые вызывают испуг с восхищением. Сама в этом убедилась. Когда кто-то при мне с усмешкой говорит: «Это всё сказки», я просто улыбаюсь. Каждый верит в то, во что хочет, пока не столкнётся с этим сам.

А я столкнулась. В конце девяностых. Время было такое – лихое, голодное, нервное. Страна только-только начала приходить в себя после дефолта, но безработица стояла страшная. Работу найти было почти невозможно, особенно женщине с перерывом в трудовом стаже. Я несколько лет не работала по семейным обстоятельствам, а когда вернулась, оглянулась – мир уже был другим. И люди тоже стали другими.

Меня приняли на должность завхоза в одно государственное учреждение. Знакомый порекомендовал, попросив меня: «Не подведи. Здесь хорошо, но есть сложности». Я согласилась, хотя в душе зародилось беспокойство. Сложности – это ещё слабо сказано.

Прежний завхоз внезапно скончался, прямо на рабочем месте, от сердечного приступа, не успев завершить текущие

дела и передать отчётность. После его ухода остались, как говорится, «авгиевы конюшни»: нехватка материальных ценностей, которые числились по документам, но фактически отсутствовали. Горы неразберихи в бумагах, старых накладных, и, как выяснилось, утраченных актов – всё это теперь лежало на моих плечах. Но ни времени, ни средств, на разгребание этого завала у меня не было.

А сверху уже давили. Руководство сменилось, и пришли новые люди – молодые, строгие и без лишних эмоций. Они смотрели на младший персонал свысока, как на бесправных исполнителей. Никакого уважения, только «ты», никаких разъяснений – только приказы. В ответ работники тоже не проявляли инициативы: они выполняли свои обязанности формально, лишь бы их не трогали. В результате коллектив оказался разобщённым, недовольным, злым, уставшим.

Когда я только приступила, ко мне относились с недоверием и даже неприязнью. Мне говорили: «Ты начальник – вот и решай наши проблемы». Я не стала давить на коллег и командовать. Вместо этого выбрала иной подход.

Начала с малого: подходила к людям, садилась рядом и задавала вопросы. Говорила без угрозы, а с искренним интересом: «Ты ведь здесь давно работаешь, знаешь эту кухню лучше меня. Скажи, в чём проблема? Как бы ты её решил?»

Люди постепенно оттаивали, ведь для них было важно, чтобы их слышали. Я внимательно слушала, кивала в знак согласия и старалась запомнить их слова. Затем, по мере воз-

возможности, выполняла их просьбы и выражала благодарность вслух, при всех. Я говорила: «Ты молодец, спасибо тебе, без твоей помощи мы бы не справились». Вскоре в коллективе установилась атмосфера, к которой я так стремилась: спокойная, рабочая и почти семейная. Конечно, это произошло не сразу, но к концу третьего месяца наша работа стала слаженной и эффективной, как часы.

И вот в один из дней меня вызвал к себе директор. Не предупредил, не спросил, просто поставил перед фактом:

– Завтра ожидается визит инспекции. Санитарно-эпидемиологической. Будет проведена всесторонняя проверка. Обеспечь, чтобы не возникло никаких претензий и замечаний. Иначе напишешь заявление. Ты поняла?

Я поняла. От одного его голоса у меня резко поднялось давление. О том, чтобы приобрести недостающие предметы по требованиям санэпидемстанции, не могло быть и речи: в бюджете не было средств, а время утекало. Я вернулась в свой кабинет, села за стол и обхватила голову руками. Сидела, уставившись в одну точку. Гулко билось сердце, в ушах звенело, а перед глазами плыли тёмные пятна. Я чувствовала, как руки становятся влажными от липкого пота, а в груди разрастается ледяной ком паники. В кабинете царила тишина. Только часы на стене мерно тикали, да где-то в коридоре слышался шорох вёдер: наши уборщицы мыли полы перед проверкой, хотя от этого толку было мало.

И тут открывается дверь, и входит тётя Зоя. Старшая тех-

ничка. Женщина под шестьдесят, в синем халате, с платком на голове. Её лицо выражает спокойствие, словно она повидала в жизни столько, что её уже невозможно удивить. Она ставит швабру возле двери, подходит к моему столу и, прищурившись, смотрит на меня.

– Чего нос повесила? – интересуется.

– Да, проверка завтра, тёть Зоя, – говорю, – всё пропало. Она усмехается, качает головой.

– Не бойся, – говорит. – Всё пройдёт отлично. Замечаний не найдут. Тебя даже похвалят. Ты только одно помни: улыбайся и молчи. В крайнем случае – кивай головой. Главное – не говори ни слова. А я уж позабочусь, чтобы проверяющие смотрели в нужную сторону.

Я тогда не разобралась, что она имела в виду. Решила, что она просто пытается меня утешить. Но я не стала спорить. Кивнула, потому что в её голосе было что-то, чему я не могла не поверить. Я уже давно знала, что во время проверки нужно улыбаться и соглашаться со всем, что говорят проверяющие. Они не любят, когда им возражают. Здесь лучше использовать принцип: «На дурака не нужен нож, ему просто подпоёшь, и делай с ним что хочешь!»

С утра прибыла комиссия. В её состав входили трое мужчин и одна женщина. Все они были одеты безупречно, с портфелями и документами. С первого взгляда стало ясно: они настроены решительно. Они не здоровались и не улыбались, а внимательно осматривали всё вокруг, словно заранее зна-

ли, что обнаружат нарушения. Их лица выражали одно: «Мы тут такое найдём, что всем не поздоровится».

Я стояла в стороне, улыбаясь и сохраняя молчание, как мне велела тётя Зоя, которая удивительным образом всегда оказывалась рядом с нами. А внутри меня всё сжималось в тугой узел. Сердце колотилось где-то в горле, я чувствовала, как на лбу выступает испарина, а ладони становятся мокрыми. С трудом сдерживала дрожь в ногах, когда они подходили к шкафам, открывали двери, заглядывали в каждый уголок. Каждый их шаг отдавался в моих висках глухим боем. «Сейчас, – думала я, – сейчас что-нибудь накопают». Я переводила взгляд с одного лица на другое, пытаюсь угадать, когда прозвучит приговор.

Но... Внезапно произошло нечто поразительное. Члены комиссии начали преображаться прямо на наших глазах. Один из них, мужчина с суровым выражением лица и усами, повернулся ко мне и произнёс: «У вас тут чистота и порядок. Всё организовано на высшем уровне». Женщина, которая вела протокол, добавила: «Я тоже обратила внимание. Видно, что завхоз – настоящий профессионал». Они осматривали кабинеты, подсобные помещения, заглядывали в каждый уголок и шкафчик. И всё время хвалили. Наш директор шёл за ними, бледный от волнения, но старался улыбаться.

А я хранила молчание. Лишь изредка улыбалась и кивала в ответ на их вопросы. Говорить я не решалась, помня строгий наказ тёти Зои.

К обеду инспекторы почувствовали усталость и голод, поэтому отправились в столовую. Я заранее договорилась с поварихой о специальном меню, и их накормили сытным обедом за счёт учреждения. После еды они выпили чай, высоко оценили кухню и, наконец, уехали. Они были довольны и улыбались. Акт, который они подписали, не содержал ни одного замечания. Наш директор похвалил меня и даже пообещал хорошую премию, сумма которой меня приятно удивила. Он сдержал своё слово.

Я вздохнула с облегчением. Проводив, вернулась в офис и остановилась в коридоре. Руки противно дрожали. Ноги подкашивались, сердце всё ещё билось часто-часто, но в груди уже не было паники. Только усталость. И лёгкое, почти детское изумление: «Неужели всё обошлось?»

Вдруг заметила тётю Зою у стены, которая опиралась на швабру и с лёгкой усмешкой смотрела на меня. Я подхожу к ней.

– Зоя, – говорю, – что это было? Как? Они же всё должны были найти!

Она медленно отложила швабру, подошла ко входной двери, достала из-за наличника свою металлическую заколку и вставила её себе в волосы. Затем посмотрела на меня, и в её глазах промелькнуло нечто древнее, тёмное и спокойное.

– Ничего особенного, – сказала она тихо. – Я им морок навела. Сделала так, чтобы они видели только то, что мы хотим, и не замечали того, чего не надо. Вот и всё. А прико-

ка моя – как ключ. Я её вставила сюда, когда нужно было закрыть им глаза. А теперь вытащила обратно, когда уехали.

Я смотрела на неё и не могла поверить. Вот так всё просто? Приколка? И морок? Она вздохнула, поправила платок на голове.

– Ты главное, Султанбикэ, – сказала она, – не рассказывай никому. Всё равно не поймут. А кто узнает – тот, скорее всего, испугается. Пусть люди думают, что мы просто хорошо убираемся.

В тот вечер я накрыла стол в столовой на свою премию. Пришли все мои технички, повариха. Мы сидели, смеялись, пили чай с пирогами. Я смотрела на тётю Зою, которая спокойно пила чай и слушала, как мы болтаем, и у меня внутри было такое чувство, будто я прикоснулась к чему-то, что существует за гранью обычного мира. И мне стало легко.

Я никогда больше не видела, чтобы тётя Зоя пользовалась своей магической силой. Но каждый раз, когда она проходила мимо, в её улыбке мне чудилось что-то большее, чем просто доброта. Что-то, что я тогда, в тот день, увидела в её глазах.

Тётя Зоя. Она не просто знала о существовании морока. Она умела его накладывать, управлять. Когда она вставляла обратно свою приколку, я поняла – это был не просто жест. Это был знак. Знак того, что есть вещи, которые мы не можем объяснить. Но они работают. Иногда, помогают – спасают нас.

Загадочное колесо, или Невероятная месть ведьмы

История не придуманная, а чистая правда, произошла в далеком 1912 году. Страшную историю про старую ведьму и окаменевшего хлопца рассказала моя любимая бабушка. И не верить её словам у меня нет оснований, поскольку свидетелями случившегося было много людей. Эта история в нашей семье передавалась из уст в уста, как зарок: не шути с тёмным, не бросай камни в незнакомое, ибо обратно оно может вернуться незванным гостем, да таким, что жизнь изменится, да не в лучшую сторону.

Бабушка родилась в Одесской области в небольшом станице, стоявшем недалеко от границы с Молдавией. В большой семье, насчитывавшей двенадцать детей, она была самой младшей. Старшие братья уже работали. Был у них друг, которого звали Опанас. Высокий парень, худой, но жилистый, с руками, привыкшими к косе и плугу, и с весёлым, чуть дерзким огоньком в глазах. Жил со своей матушкой. Отца парень не помнил, родителя не стало, когда он был еще мальчишкой. Неполная семья жила шибко не богато – в старой небольшой хате, по самые оконца вросшей в землю. Мать на огороде выращивала, что могла, да держали корову для молока, да порося. Жили тихо, по-божьи, пока смерть

не постучалась в их бедную дверьцу.

За год до случившегося матушки не стало, сгубила чахотка. И остался Опанас на белом свете один одишешенек. От тихой печали он уходил в работу и в шумные вечёрки с друзьями, но по ночам хата гудела от пустоты. В хозяйстве у него сохранилось несколько курей, да брехливый пёс в конуре, последний, кто встречал его лаем и провожал вилянием хвоста.

Недалеко от села, в лесу, в землянке, скрытой в овраге под сенью разлапистых дубов, обитала старая ведьма. Когда она там поселилась, откуда пришла, никто не знал. Но сколько помнили люди, она всегда там жила.

В селе появлялась редко. Селяне, заприметив издали сгорбленную фигуру старухи в тёмном, сливающимся с землёй тряпье, старались обойти её стороной, чтобы не накликать на себя беду. Глазливой была: посмотрит на кого-то своими мутными, словно застланными пеленой, выцветшими глазами, и вскоре человеку становилось плохо, начинал тяжело болеть, у кормящих женщин молоко пропадало. Но ходили к ней. Тайком, оглядываясь. Когда бессильны были и знахари, и поп. Обращались не только за излечением от лихорадки или сглаза, но и за иным – за тем, о чём в церкви не попросишь. Кто – за приворотным зельем, чтобы сердце холодного суженого растопить. Кто – за «отсушкой», чтобы соперницу от любимого отвадить. Кто – за советом, как нечистую силу от дома отогнать, которую, по слухам, сама

же она и насылала. Она была последней инстанцией в делах, где сталкивались страсть, ненависть и отчаяние. И брала за работу не деньгами – яйцом, хлебом, куском холста, молчаливым сохранением её тайны.

Люди много про старуху нехорошее говорили, мол, знает-ся с нечистой силой, может при помощи магии превращаться в чёрную свинью или в колесо от телеги. Эти рассказы не на пустом месте появлялись, как говорится, дыма без огня не бывает. Про то, что превращалась в колесо – это факт, который могли подтвердить много людей. Особенно после одного жуткого случая.

Это произошло поздним вечером, когда настало особое время – густые летние сумерки. Время, когда небо ещё не ночное, а земля уже не дневная, и в этом промежутке гуляет всё, что боится и солнца, и крошечной тьмы. Из-за тёмных верхушек сумрачного леса показалась большая, полная и тяжёлая, луна. Посеребрила всё вокруг своим холодным, обманчивым светом. От всех предметов: плетней, хат, деревьев протянулись длинные, причудливые, живые тени. Повеяло прохладой. На затихающую землю опустилась чуткая, звенящая тишина, почти вся живность притихла, готовясь отходить ко сну. Только в полях стрекотали неугомонные сверчки, да вдалеке кричала ночная птица, и крик её был похож на скрип несмазаной телеги.

На краю села, на завалинке крайней хаты, за которой сельская молодежь летом устраивала вечерки, расположилось

несколько хлопцев. Среди них были братья моей бабушки, а также их друг Опанас. Сидят, обсуждают что-то, покуривают самокрутки из жёлтой махорки. Вдруг видят, со стороны леса по полевой дороге что-то быстро приближается к селу. Не едет, а именно катится, ровно и упруго, будто по невидимой колее. Пригляделись, а это катится колесо от телеги. Само по себе. Что за невидаль, что за чертовщина!

Опанас взял камень, хотел кинуть его в колесо, а потом замер на мгновение, лицо его в лунном свете стало сосредоточенным и бледным, и воскликнул: «Так оно ещё и грозитя! Ну, сейчас я тебе задам, старая ведьма!». Бросил камень, затем ещё несколько. Попал! Камень со звоном ударился о дерево обода, но колесо не закачалось, не дрогнуло. Оно прокатилось мимо друзей, как будто его пнула невидимая нога.

Все парни начали смеяться над неудачными попытками сбить колесо. Смех был нервным, слишком громким для этой насторожившейся тишины. А странное колесо тем временем, промчалось мимо, затем развернулось и покатилося в обратную сторону. Когда оно вновь поравнялось с хлопцами, Опанас, поддразненный смехом товарищей, подскочил к нему с намерением пнуть. Однако произошло невероятное: колесо, уклоняясь от удара, вильнуло в сторону, словно живое, змеиное, и, как ни в чём не бывало, покатилося дальше в сторону леса. Вскоре исчезло из вида, растаяв в сумеречной мгле, оставив после себя лишь смутную полосу на росистой траве.

Испуганный Опанас подбежал к своим друзьям и стал возбуждённо говорить, захлёбываясь словами: «Вы видели? Видели?! Что это было? Так ведь оно ещё и грозилось!»

Конечно, все присутствовавшие были удивлены случившимся. Спрашивали, что это он тут за представление устроил, и про какие угрозы говорит?

В ответ, возбуждённый Опанас рассказал, что, когда подобрал камень и только замахнулся, чтобы его кинуть, услышал у себя в голове старушечий голос: «Глянь на меня, хлопче. Глянь хорошенько. Вот как кинешь камнем, так и сам камнем обратишься. На веки вечные.» Голос был сухим, как шелест прошлогодних листьев, и отчётливым, как удар обухом по голове.

Друзья ему не поверили, поскольку никто никакого голоса не слышал. Решили, что это глупая шутка, плод выпитого накануне самогона и разыгравшегося воображения. Вскоре разошлись по домам, поскольку нужно было рано утром вставать на работу: батрачили на местного помещика в полях и на ферме. Опанас ушёл последним, оглядываясь на тёмную стену леса.

Настал новый день, однако на работе Опанас не появился. Управляющий ругался, что из-за прогулявшего не будет выполнена норма, поэтому распределил её между остальными работниками. Конечно же, все были удивлены отсутствием Опанаса, но сначала подумали, может быть, он проспал, или занедужил.

Вечером один из парней, возвращаясь после работы в село, зашёл домой к Опанасу, чтобы узнать, что же случилось с другом. Постучал несколько раз в дверь, в окно, ему надрывным, каким-то неестественно тоскливым лаем помогал дворовой пёс. Но дверь так никто не открыл. Друг решил, может, хозяин ушёл куда-то и вскоре вернётся. Постоял некоторое время, подождал. Напрасно. Только пёс, высунув морду из конуры, смотрел на него умными, полными немого ужаса глазами.

Наступило утро следующего дня, однако вновь Опанас не появился на ферме. Работники стали браниться, мол, обленился хлопец, не хочет трудиться. Дружно порешали, нужно навестить лодыря и проучить. Когда рабочий день закончился, все гуртом отправились к Опанасу домой.

Подошли ко двору. Несущий сторожевую службу пёс начал дежурно гавкать, но, увидав большую толпу, благоразумно спрятался в конуре. В хате свет не горел. Постучали – в ответ тишина, стали в низенькие окна заглядывать, никого не видно, начали кричать, звать, но никто дверь так и не открыл.

Тут появилась пожилая женщина – соседка Опанаса, по какому поводу все здесь собрались? Хлопцы ей обрисовали ситуацию. Женщина с нескрываемой тревогой в голосе сказала, что уже два дня как не видела своего соседа. Зато его собака обе последние ночи протяжно выла. Мол, тоска и страх слышались в этом вое, даже озноб про-

бирал от заунывных звуков. Она ещё подумала, неужели что-то плохое случилось? После этого, со словами «Не приведи, Господи», женщина несколько раз перекрестилась. После таких новостей парни начали волноваться, а их негодование сменилось на тревогу, в душе появились нехорошие предчувствия. А тем временем возле хаты стал собираться народ. Друзья вновь и вновь объяснили ситуацию, мол, странным образом пропал наш товарищ.

Тревожная весть быстрой птицей разлетелась по улицам и хатам. Вскоре полсела собралось на месте. Люди возбуждённо шептались, передавая из уст в уста историю про колесо и проклятие, которое уже обрастало новыми, леденящими душу подробностями. В общем, все, кто присутствовал, решили – нужно проникнуть в хату.

Поднажали на дверь, она не поддалась. Стали с разбега вышибать. Получилось. Дверь сломали, однако отворить так и не смогли. Что-то этому мешало, плотно подпирало изнутри.

В маленькие оконца пролезть не смогли. В итоге вынесли окно вместе с частью стены. Когда несколько человек проникли внутрь, то в первое мгновение оцепенели от ужаса, увидев в свете мерцающей керосиновой лампы, что дверь подпирает огромная, в человеческий рост, каменная глыба! Она стояла посреди горницы, неестественно, страшно вертикально, затыкая собой проём. Поверхность её была неровной, шершавой, и в прыгающих тенях от лампы мерещились

смутные очертания – будто складка одежды на груди, будто застывший в крике рот...

Все, кто проник в хату, в страхе бросились наружу, сбивая друг друга с ног. На улице началась паника, некоторые селяне, крестьяне, убегали. Кто-то закричал: «Окаменел! Она его в камень обратила!»

И тут друзья Опанаса, те, кто за два дня до этого видел происходившее со странным колесом, вспомнили слова, которые их друг услышал в голове: «Вот как кинешь камнем, так и сам камнем обратишься».

Вот тогда-то и стало всем понятно, что же произошло. Конечно, сначала решили, что это сам хлопец решил пошутить, и камень затащил в дом, а потом сбежал. Однако вскоре поняли, что не мог он этого сделать: камень просто невозможно было протащить в неширокую дверь, не говоря уже про маленькие окна. Глыба была огромная, весила много пудов, её несколько человек с трудом могли бы переместить. Её оставили там. Не стали трогать. Как могильный камень на несостоявшейся могиле. Опанаса объявили в розыск, но больше никто его не видел. А хату ту вскоре сожгли дотла, очищая место огнём. Боялись даже пепелище разгрести.

А что касается ведьмы, то одна женщина сообщила, что накануне ходила на рассвете в лес, чтобы собрать лечебные травы, и видела, как из чащи вышла, сильно хромая, старая ведьма. Она шла, опираясь на сук, и каждый шаг давался ей с болью. Но лицо её, обращённое к предрассветному небу, бы-

ло спокойным и страшно удовлетворённым. Видимо, Опанас всё-таки попал в неё камнем. Вот за это и поплатился. Отомстила злая ведьма хлопцу таким страшным, невероятным способом.

И с тех пор в том селе знали: есть обиды, которые можно простить. А есть – которые прощаются только камнем. И если тропинка ведёт к лесной землянке, нужно идти по ней со страхом и смирением, а не с камнем в руке. Потому что законы тёмного леса просты и неумолимы: что посеешь – то и пожнёшь. И посеянный камень может прорасти твоей же собственной, вечной каменной немотой посреди родной, но навсегда опустевшей хаты.

Переклад, или Обратная сторона портрета

Есть странные события, вещи, которые не объяснишь никакой логикой. В них можно не верить, смеяться над ними, считать бредом сумасшедших бабок или дешёвыми страшилками из жёлтых газет. Но когда необъяснимое приходит в твой собственный дом, в твою семью, и начинает пожирать здоровье самого незащитного существа – ребёнка, смеяться желания нет. И ты начинаешь искать ответы там, где никогда бы не подумал искать. И находишь. И от этих находок волосы встают дыбом, потому что правда оказывается страшнее любого вымысла.

Всё началось в начале восьмидесятых. Тогда, наверное, ещё чувствовалось дыхание застоя, но мы, простые советские люди, жили своей жизнью: работа, семья, очереди за дефицитом, вечная гонка за тем, чего вечно не хватало. Моя первая жена, её мать и младшая сестрёнка – свояченица – были частью этой жизни. Девочку зовут Светлана. Ей как раз исполнилось пять лет, и она была тем самым «весёлым колокольчиком», о котором пишут в книгах. Озорная, подвижная, с вечно разбитыми коленками, с громким смехом, она носилась по квартире и по двору, заставляя всех улыбаться. Росла здоровой, крепкой, как грибок после дождя, и ничто,

казалось, не может эту крепость пошатнуть.

Но внезапно всё изменилось. Словно кто-то невидимый щёлкнул выключателем, и свет погас. Девочка начала болеть. Сначала это были обычные детские простуды, но они следовали одна за другой без перерыва. Потом пошли такие болезни, о которых мы не слышали. Врачи разводили руками, собирали консилиумы, но диагнозы ставили такие, что нормальному ребёнку их ставить было нельзя. Взрослые болячки: сердечные приступы, проблемы с суставами, печенью, почками. Света таяла на глазах. Из пухлощёкой хохотушки она превратилась в худенькую, бледную тень, с тёмными кругами под глазами и нервными, дёргаными движениями. Она почти перестала играть, часто сидела молча, смотрела в одну точку и вздрагивала от любого громкого звука.

Это был ад. Ад для неё и для всех нас. Начались бесконечные походы по больницам. Мы фактически поселились в поликлиниках и стационарах. Врачи, искренне пытаясь помочь, назначали одно лечение за другим, но оно не работало. Болезни словно брали паузу на день-два, а потом возвращались с новой силой, как приливная волна. А времена тогда были не сахар. Конец застоя, начало горбачёвской перестройки – уже в аптеках нужные лекарства купить было невозможно. Доставали через знакомых, через перекупщиков, ездили в Москву, стояли в очередях с ночи. Деньги уходили, как вода в песок. Дорогие, редкие, импортные препараты – и всё без толку. Тёща (царствие ей небесное) поху-

дела и постарела лет на десять. Мы с женой тоже выматывались, но держались. А девочка всё болела и болела. Шесть лет. Представляете? Шесть лет непрерывного, изматывающего, непонятного кошмара.

И тут в нашу жизнь вмешался случай. Вернее, то, что мы привыкли называть случаем, но что на самом деле было, наверное, провидением. Наступила эпоха перемен. Горбачёвская гласность, снятие запретов, и на нас, как цунами, обрушился поток информации, который десятилетиями держали под спудом. Книжки, газеты, журналы – всего этого стало так много, что глаза разбегались. Появились и так называемые «жёлтые» издания, которые печатали всё подряд: от гороскопов до историй о контактах с инопланетянами. Мы к ним относились скептически, да и кто бы не отнёсся? Известная газета «Комсомольская правда» и та, помню, стала такой, что стыдно было в руки брать. Но вот однажды, листая какой-то журнал – то ли «Оракул», то ли ещё что-то подобное, точно сейчас не вспомню, – я наткнулся на статью, от которой у меня внутри всё оборвалось.

В статье рассказывалось о шокирующем разоблачении. Оказывается, правоохранительные органы вскрыли сеть колдунов-фотографов. Звучит дико, правда? Но суть была страшнее любого детектива. Эти страшные люди, пользуясь популярностью модных тогда фотопортретов – тех самых, что в народе называли «дутиками», – занимались чёрной магией. Помните такие? Формат примерно двадцать на трид-

цать, слегка выпуклые спереди, с эффектом объёма. В каждой второй квартире висел такой портрет ребёнка, а то и Есенина с трубкой в стиле «сепия». Красиво, модно, памятно. Так вот, по версии следствия, эти фотографии не просто делали снимки на заказ. Они использовали их для перекладывания чужих болезней на здоровых детей.

Технология этого процесса была простая, незаметная и одновременно чудовищная. Под портрет ребёнка, в пространство между фотографией и плотной картонной подложкой, они вкладывали снимок больного человека. И с обратной стороны писали какие-то слова заклинания, молитвы – не суть. Важен был результат. Болезнь с этого взрослого, умирающего человека переходила на ничего не подозревающего ребёнка. Дети болели, а тот, кто платил деньги, выздоравливал. В статье автор настоятельно рекомендовал всем, у кого есть такие «дутики», особенно детские, проверить их и, если что-то найдётся подозрительное, немедленно сжечь.

Я прочитал это и замер. В голове что-то щёлкнуло. Светин портрет висел на стене в зале уже много лет. Тот самый «дутик», сделанный в садике, когда ей было шесть лет. Мы как-то не придавали значения, когда его делали, даже не задумывались – кто фотограф. Но сейчас, после прочитанного, всё встало на свои места. Тёща, женщина мудрая и, несмотря на советское воспитание, в душе верующая, не стала сомневаться ни минуты. Она сняла портрет со стены, положила на стол, взяла нож и аккуратно, с краю, разрежала картонную

подложку.

Мы стояли вокруг, затаив дыхание. Она раздвинула края. И там, между фотографией Светы и картоном, лежала другая фотография. Чёрно-белая, потёртая, с лицом какого-то незнакомого мужика. Хмурый, болезненный, с глубокими морщинами, он смотрел на нас с этого снимка. А на обороте – каракули, похожие на иврит. Или на какую-то древнюю вязь. Я смотрел на эти каракули, и в голове стучало: «Она всё это время болела из-за этого. Из-за этой бумажки». Я сглотнул – в горле пересохло, не мог вымолвить ни слова. Я увидел, как побелели пальцы жены, вцепившейся в край стола. Не знаю, что там было написано, но этого оказалось достаточно, чтобы мороз продрал по коже даже меня, человека, в общем-то, далёкого от мистики.

Сжигал я сам. Вышли во двор, подальше от дома, сложили в железное ведро и фотографию мужика, и портрет Светы – всё вместе. Подожгли. Бумага горела быстро, но с каким-то странным, коптящим пламенем, и запах стоял тяжёлый. Я стоял и смотрел, как огонь пожирает эти фотографии, и в груди у меня росло странное, почти физическое облегчение. Пламя было жарким, но по спине всё ещё бегал холодок. Я чувствовал, как дрожат руки, как в ушах звенит от напряжения. Я подумал о Свете, о её шести годах страданий, и у меня сжалось горло. «Всё, – прошептал я. – Теперь всё кончится». Когда всё прогорело, я размешал пепел палкой и залил водой. На всякий случай. Вернулись домой.

И знаете, что произошло дальше? Чудо. Другого слова не подберу. Света перестала болеть. Вот просто – перестала. С того самого дня. Никаких больше больниц, никаких лекарств, никаких приступов. Девочка начала поправляться, щёки порозовели, появилась энергия. Когда я увидел, как Света впервые за долгие годы улыбнулась, у меня на глаза навернулись слёзы. Я стоял в дверях, смотрел на неё, и не мог поверить. Сердце билось ровно, спокойно, и я чувствовал, как с моих плеч сваливается неподъёмный груз, который носил все эти годы. Я выдохнул – медленно, глубоко, – и понял, что страх, который сидел внутри меня всё это время, наконец-то отпускает.

Через полгода это был уже совсем другой ребёнок – здоровый, весёлый, озорной. Дальше жила, нормальной жизнью, слава Богу. А ведь шесть лет, целых шесть лет девчонка своим здоровьем расплачивалась за чьи-то чужие грехи, за чью-то тяжелую болезнь.

После этого случая я, как человек, привыкший докручивать всё до конца, начал искать нужную информацию. Перерыл кучу книг, журналов, разговаривал с людьми, которые в этой теме разбирались. И вот что узнал. То, с чем мы столкнулись, в народе называется «переклад». Переклад болезни или порчи – это когда негативную энергию, разрушительную программу, «обитающую» в больном человеке, передают другому объекту. Новым хозяином может стать кто угодно: конкретный человек или случайный прохожий, жи-

вотное. Обычно негатив сбрасывают на вещь: одежду, украшение, зеркало, фотографию. Эту вещь специально заговаривают, пропитывая энергией болезни, а потом отдают тому, на кого хотят её переложить. Или просто подбрасывают. Или, как в нашем случае, прячут туда, где жертва её не найдёт, но вещь будет постоянно находиться рядом.

Вот откуда неспроста пошло народное поверье: никогда не поднимай чужих вещей на улице, особенно если они красивые и дорогие. Даже найденное колечко может оказаться не просто чей-то потерей, а намеренной смертельной ловушкой. Та же история с фотографиями. Никогда не знаешь, кто и с какой целью пристроил твой снимок рядом с чужим лицом.

Вот такая история. Страшная, дикая, но абсолютно реальная. Для нас она закончилась хорошо, хотя осадок, знаете, остался на всю жизнь. Я теперь всегда, когда вижу старые фотографии, особенно детские, особенно те самые «дутики», невольно задумываюсь: а что там, за картонкой?

Но время идёт, и сегодня у людей появилась новая, ещё более серьёзная опасность, о которой в те годы даже не подозревали. Я имею в виду социальные сети. Мы выкладываем туда свои фотографии пачками, даже не задумываясь, в чьи руки они могут попасть и какое применение найти. А между тем, специалисты по биоэнергетике и практикующие маги в один голос предупреждают: фотография – это не просто изображение. Это мощнейший энергетический слепок чело-

века, его проводник, его «якорь».

По фотографии можно считать информацию о состоянии здоровья, об энергетике, о проблемах. И, что самое страшное, по фотографии можно навести порчу, сделать переклад, сглазить, приворожить или отворожить. И если раньше магу, колдуну, ведьме нужно было раздобыть личную вещь или прядь волос, то теперь достаточно просто фото из открытого доступа. Особенно ценятся снимки, где человек смотрит прямо в камеру широко открытыми глазами – именно через глаза магам работается легче всего.

А теперь представьте, сколько родителей ежедневно выкладывают фотографии своих детей. Милых, беззащитных малышей. И почти у каждого из этих родителей, хотят они того или нет, есть завистники, недоброжелатели, конкуренты или просто люди с тяжёлым взглядом. Эзотерики настоятельно рекомендуют: никогда не выкладывайте фотографии детей в открытый доступ. Ребёнок – самое уязвимое существо, пробить его защиту легче лёгкого. Если уж очень хочется поделиться снимком, устанавливайте максимальные ограничения приватности, чтобы фото видели только самые близкие.

Но и взрослым не мешает соблюдать правила безопасности. Вот несколько простых советов, которые я вычитал у людей, знающих и которые, на мой взгляд, не лишены здравого смысла:

Во-первых, по возможности ограничивайте доступ к сво-

им фотографиям в интернете. Не давайте свои снимки незнакомым людям.

Во-вторых, если уж выкладываете фото, старайтесь не смотреть прямо в объектив. Отведите взгляд в сторону, прикройте глаза, сделайте селфи в тёмных очках. Чем меньше открытых глаз, тем сложнее магу «зацепиться» за вашу энергетику.

В-третьих, можно использовать приёмы визуальной защиты. Некоторые специалисты советуют пропускать фото через графический редактор: накладывать яркие рамки, менять оттенок, немного ретушировать. Это сбивает фокус и мешает магу сосредоточиться. А перед тем как выложить снимок, можно мысленно или шёпотом проговорить: «Я изменилась, но не поменялась, а от сглаза защитилась».

В-четвёртых, относитесь к своим старым фотографиям бережно. Не держите на виду снимки умерших от тяжёлых болезней, особенно в спальне или гостиной, где вы проводите много времени. Их энергетика может влиять на живых. Лучше отведите для них отдельный альбом.

И главное – помните старую, как мир, истину: никогда не поднимайте чужих вещей на дороге, не берите подарки от людей, которым не доверяете, и не позволяйте кому попало фотографировать вас и ваших детей. А уж тем более не выкладывайте эти фото на всеобщее обозрение. Потому что потом, когда жизнь внезапно пойдёт под откос, когда навалятся болезни и неудачи, будет поздно искать причину. При-

чина может оказаться в простом снимке, который лежит в открытом доступе и ждёт своего часа.

Мир не так прост, как нам кажется. И зло иногда приходит не с чёрным всадником на коне, а с красивой улыбкой на картоне или с милой фотографией в ленте новостей, за которой прячется чья-то чужая страшная тайна. Берегите себя и своих близких.

На волосок от гибели, или Всеразрушающая порча

Кто бы что ни думал, но магия существует, верят в неё либо нет. Она незаметно действует, как невидимая человеческому глазу смертоносная радиация. Негативная программа неумолимо разрушает всё (здоровье, отношения, бизнес и пр.), на что направлено магическое воздействие, и эта программа будет продолжать работать, пока её не остановят. Лично довелось в этом убедиться.

Конечно, раньше, до случившегося, живя в сельской местности, доводилось слышать истории про сглаз, привороты, порчу, но во всё это не верила. Пока сама не испытала страшные муки, оказавшись в смертельных оковах магии. Произошло это в начале девяностых годов. Сейчас, оглядываясь на те события, кажется, они происходили не со мной, а с кем-то другим. Случилось давно, более тридцати лет назад, казалось бы, должно на душе успокоиться, но иногда из глубины памяти всплывают жуткие воспоминания. И тогда меня охватывают противоречивые чувства: с одной стороны, лютейший страх, поскольку точно знаю, чем тогда могло закончиться, а с другой – светлая радость, поскольку всё разрешилось благополучно.

Начало девяностых, тяжелые, разрушительные времена,

которые не всем удалось пережить. Так, сердце моего любимого батюшки (царствие небесное), ветерана войны, не смогло смириться с распадом Союза. Колхоз, в котором я несколько лет трудилась, недолго продержался без государственной поддержки, развалился, а вместе с ним и ферма прекратила свое существование, часть буренок на мясо пустили, часть распродали. А большинство бывших колхозников, включая меня, оказались безработными.

Вскоре прогнала неудачника мужа, этот вечный мечтатель, строитель воздушных замков, в тяжелые времена покатился по наклонной, стал цепляться за каждую юбку, не пропускал ни одной рюмки, по пьянке начал руки распускать, и в конце концов опустился ниже дна, допившись до чертиков.

Наш ранее процветающий поселок заметно обезлюдел, многие жители подались за лучшей долей в другие края, кто в города, в столицу, а кто-то и за границу. Я же отправилась на север, на вахту, работать в столовой. Там и познакомилась с мужчиной. Черноволосый, с вечно всклокоченной шевелюрой, физически крепкий, коренастый, с косолапой походкой. Внешне похож на медведя, так и родители его нарекли соответствующим именем – Михаил. По тому, как он держится в разных ситуациях, чувствуется, что этот мужчина привык самостоятельно принимать решения и отвечать за них. Как потом выяснилось, Миша мастер на все руки, за какое дело ни берется, все у него ладится, хозяйственный. Да, не красавец, черты лица словно топором вырублены, от чего он вы-

глядит угрюмым, злым. Но, в отличие от меня, мало кто знает, какая у этого непривлекательного человека чудесная душа, добрая, ласковая. В общем, мой Мишка, как герой сказки «Красавица и чудовище».

Во время знакомства выяснилось, что Михаил – земляк, более того, живет поблизости в соседнем поселке вместе с престарелой матерью. В том же селе проживает его замужняя младшая сестра. Михаил хороший электрик, для такого мастера всегда работа найдется, между вахтами подрабатывает по своей специальности.

И что весьма важно – не женат. В общем, стали мы с ним общаться, встречаться, когда у него выпадало свободное время, заезжал ко мне в гости. Сначала заменил в доме всю древнюю проводку, да и по хозяйству кое-что отремонтировал. Общались по-дружески, постепенно узнавали друг друга, но близко к себе не подпускала, на ночь не оставляла, всё приглядывалась, боялась допустить ошибку, как с первым мужем. Это случилось спустя три месяца, и я тем утром проснулась счастливой женщиной, впервые испытываю то, о чем раньше только слышала.

Мы еще раз вместе побывали на вахте, а потом решили сойтись и жить вместе в моем доме. Родить ребенка, обзавестись хозяйством, живностью, за которой должна была следить я, пока Миша будет на севере. Этот месяц прошел как в сказке. Незадолго до одиночной вахты мой ласковый медведь съездил к себе домой за необходимыми вещами, заодно

сообщил матери о счастливых переменах в жизни – собирается вскоре жениться, пообещал после возвращения познакомиться со своей избранницей. Наша ночь перед его отъездом была незабываемой, страстной, мы всё никак не могли насытиться друг другом.

А потом начался страшный период в нашей жизни, который чуть не закончился гибелью. Где-то через неделю после отъезда стало происходить что-то странное, пугающее, но мы не сразу должным образом отреагировали. Это спустя время начинают складываться пазлы жуткой картины, а тогда... Первый звоночек прозвенел, когда утром пошла в курятник дать зерна несушкам и обнаружила их всехдохлыми. Когда я увидела мёртвых кур, у меня внутри всё сжалось. Я стояла в курятнике, смотрела на их неподвижные тела, и чувствовала, как по спине пробегает холодок. «Что-то не так, – стучало в голове. – Это не случайность». Сердце забилось быстрее, я выбежала из курятника и остановилась, не зная, что делать. В груди разрастался липкий, неприятный страх, который не могла объяснить.

Потом за несколько дней мы лишились урожая – все курстарники, посадки в саду, рассада в огороде завяли, словно их какой-то химией опрыскали. При этом у соседей в огородах все было благополучно.

Одновременно с бытовыми неприятностями мне каждую ночь стали сниться страшные сны. Я просыпалась ночью от дикого ужаса, и тело колотила мелкая дрожь. Простыня бы-

ла мокрой от пота, сердце выскакивало из груди, я хватала ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Я смотрела в потолок и не могла понять, где я – в реальности или всё ещё в кошмаре. Утром вставала разбитая, будто меня выжали как лимон, и с трудом заставляла себя идти на работу. Я не понимала, что со мной происходит, и это непонимание пугало сильнее любой болезни.

Как следствие, хронический недосып, упадок жизненных сил, проблемы со здоровьем, замучили головные боли, головокружение, ныли суставы, выпадали волосы, ресницы, путались мысли, сложно было на чем-то сосредоточиться. Начался травмоопасный период, несколько раз буквально на ровном месте падала, преследовали ушибы, ожоги, порезы. Обращалась в поликлинику, но врачи не смогли определить, в чем причина ухудшения здоровья, по результатам анализов выходило, что здорова.

Когда Миша вернулся с вахты, я его с трудом узнала, так сильно исхудал, сверх всякой меры, глаза потухли, кудри поредели, местами поседели. Я бросилась к нему, хотела обнять, но он отшатнулся, и в его глазах увидела такой страх, что у меня самой кровь застыла в жилах. Я смотрела на его осунувшееся лицо, на его поседевшие виски, и у меня внутри всё перевернулось. Как выяснилось, во время нашей разлуки с ним происходило почти то же самое, проблемы со здоровьем, постоянные мелкие травмы, что ранее никогда не случалось, более того, в результате несчастного случая он чуть

не погиб.

Конечно, мы сильно соскучились друг по другу, бросились в объятия, но любимый тут же отпрянул от меня, как ошпаренный, его лицо исказила жуткая гримаса от сильной боли. Миша, волнуясь, сказал, что его руки словно огнем обожгло. Еще раз попробовал – тот же эффект. Мы ничего не понимали, решили перенести ласки на вечер. Но все последующие попытки сблизиться закончились печальным результатом. И что характерно, с мужской силой все было в порядке, флагшток крепко стоял, на него оставалось лишь водрузить флаг очередной победы, но стоило нам попробовать сблизиться, как ноги у единственного желанного начинало сводить от сильных судорог. Что мы только не предпринимали, но все заканчивалось одним: Миша расстроенный уходил из спальни с поникшими головами.

В результате он стал нервным, раздраженным, буквально на пустом месте стали возникать скандалы. А потом начал выпивать, что до этого никогда не было. Мягкий, ласковый в трезвом виде, становился агрессивным всего лишь от одной рюмки, нет, он даже пальцем меня не трогал, но бил посуду, ломал мебель, если в чем-то ему перечила. В эти моменты в облики Михаила проявлялся совершенно другой, незнакомый мне страшный человек. Конечно, мы обратились за помощью к врачам, но нам они ничем не помогли.

На вахту он не поехал, за несколько дней до отъезда, во время приступа ярости, с такой силой пнул в дверь, что сло-

мал ногу. Закручинился, замкнулся в себе, а я уже не знала, что делать, натерпелась, намучилась, у самой здоровье стремительно ухудшалось. Однажды у меня возникла навязчивая мысль, которую я пыталась прогнать, но как тревожный набат, в голове звучал чужой голос: «Брось его. Прогони».

Той же ночью мне приснился удивительный сон, изменивший ход плохих событий. Во сне ко мне пришло много незнакомых людей. Только папу узнала, он стоял с озабоченным видом и молчал. А впереди всех была бабушка Устинья, мама отца. Бабушка такая красивая, помолодевшая, выглядела лет на сорок, я ее такой не помню - вся светится, в глазах любовь, по-доброму улыбается и говорит: «Внученька, на вас порча. Но ты не бойся, мы с Пелагеей вам поможем».

Я проснулась в холодном поту, сердце колотилось, как бешеное. В комнате было темно, только луна светила в окно. Я села на кровати, обхватила голову руками и заплакала – от страха, от облегчения, от того, что кто-то, наконец, дал мне надежду.

Я была поздним ребенком, появилась на свет, когда папе было 45 лет. Маму, не помнила, она подорвала здоровье в блокадном Ленинграде, и вскоре после родов умерла (царствие небесное), а меня до десяти лет воспитывала бабушка Устя, женщина добрая, справедливая, набожная, по ее настоянию меня крестили. Она всегда приходила на помощь, вот и сейчас, в критический момент появилась. Я ей сразу поверила, ведь раньше доводилось слышать слова «мёртвые

не врут».

Так значит причина заключается в порче. Но почему же сама-то не догадалась? Наверное, потому, что не верила в магию. Но кто этот злой человек, навлекший на меня с Мишей беду? Видимо, кто-то позавидовал нашему счастью. Стала перебирать в памяти возможных претендентов, а потом спохватилась, нужно скорее отправляться к Пелагее-знахарке, она точно скажет чьих это рук дело.

Пелагея дочь старшего брата бабушки Устиньи. Я лишь слышала однажды про нее, после того, как бабушка возила своего сына к ней лечиться. У папы на войне осколком была сильно повреждена левая нога, и старая рана постоянно ныла, причиняя страдания. Когда стало совсем невмоготу, они отправились к народной врачевательнице. И там свершилось чудо, боль ушла. Значит мне необходимо поскорее отправляться к своей дальней родственнице.

Разбудила Мишу, пыталась ему все объяснить, звала поехать вместе, но, он лишь обреченно, скептически усмехнулся в ответ, и отвернулся к стенке.

Я не стала тратить драгоценное время. Долго рассказывать, как узнала адрес Пелагеи, с каким трудом добиралась к ней на удаленный хутор, постоянно возникали препятствия, препоны. На месте оказалась, когда солнце уже частично спряталось за верхушками темного леса, окружавшего со всех сторон старенький, но еще крепкий дом-пятистенник и надворные постройки. Во дворе на лавочках сидели люди, за

оградой стояло несколько машин и две подводы, в которых также находились посетители. Заняла очередь и, поняв, что ожидание будет долгим и томительным, присела на какой-то ящик, вытянув уставшие ноги.

Минут через десять, открылась дверь на веранде, вышла мамочка со спящим ребенком на руках, по ее радостному лицу было понятно, только что произошло хорошее. Следом за ней появилась высокая, немного полноватая старушка, возраст трудно угадать. Цветастый платочек на голове, завязанный спереди, темное платье и фартук, калоши на ногах. Пелагея, а это была она, долгим оценивающим взором обвела всех находившихся во дворе, пока ее взгляд не остановился на моем лице. После этого твердо сказала: «На сегодня прием закончен. И не роптать. Ночь будет теплая. Кто из далека, можете переночевать на сеновале. Одежда там же. Есть самовар, вода в колодце».

После этого Пелагея вновь посмотрела на меня, легонько кивнула и грустно произнесла: «А ты заходи. Твой случай особый, откладывать нельзя».

Люди стали расходиться со двора кто по машинам, а кто на сеновал. Я подошла к Пелагее, поздоровалась, и она провела меня через сени в отдельное, пристроенное к избе помещение. Здесь, в небольшой комнате с одним окном, закрытым плотными шторами, было тихо и сумрачно, пространство освещалось несколькими горящими свечами.

Оглядевшись, увидела, что возле одной стены стоит дере-

вянный столик, на котором находилась глубокая хрустальная ваза, ступа, горели большие белые свечи, несколько старых икон (Иисусу Христу, Богородице, святой целительнице Матроне, еще каким-то святым) и большая книга. Возле другой стены расположился старинный комод, на его поверхности заметила перышки, две большие свечи, камни, ракушки, кубок. Рядом с комодом стоит высокая тумба-подставка, на поверхности которой лежит черная книга-молитвослов, горит свеча, а напротив, на полочке, находится еще одна икона, с ликами двух святых: мужчины и женщины (позже узнала, что это священномученик Киприан и мученица Устинья (Иустинья)). Вдоль третьей стены стоят тумбочки, шкафы с разными баночками, горшочками. На стене возле входной двери висят пучки сушеных трав, цветов, колосьев пшеницы, гроздья рябины. Голову кружит смесь ароматов ладана, свечей, разнотравья.

Пелагея подошла ко мне вплотную, и я смогла ее хорошенько рассмотреть. Ростом чуть выше меня, лицом привлекательна. Возраст угадать трудно, ей можно дать и сорок, и шестьдесят лет. Из-под платка выглядывает челка черных с прядками седины волос. В карих, бездонных глазах, кажется, светятся какие-то огоньки. По внешности не скажешь, чем занимается. Но чувствуется, что это женщина волевая, с внутренним несгибаемым стержнем. А Пелагея тоже пристально посмотрела на меня и, улыбнувшись, сказала: «Здравствуй, племяшка. Вот и свиделись. Потом по-род-

ственному поговорим, а сейчас делом займемся. Давай фотографию своего избранника».

Я подала ей фото Михаила, которое прихватила с собой после того, как он отказался поехать к знахарке. Пелагея долго рассматривала снимок, потом вновь оценивающе глянула на меня, словно делала выбор. А затем с нотками беспокойства в голосе произнесла: «Да, права тетя Устинья, на вас обоих магия. Более точно скажу после отливки. С тобой ситуация полегче, ты крещеная, да и весь род за тобой стоит. А вот у Михаила дела плохи, это на него колдовство навели, а тебя оно заодно зацепило. Сейчас главное – успеть остановить зло, а здоровье потом ему поправим. Я займусь им, а ты даром время не теряй, помогай. Будешь молиться и за себя, и за него».

После этого подвела меня к тумбе-подставке, открыла лежащий на ней молитвослов, поставила в пустой подсвечник восковую свечу, подала мне спички и сказала: «Церковные свечи нужно поджигать только от спички. Молиться будешь без остановки священномученику Киприану и мученице Устинье (Иустинье). Запомни, главное в молитве – искренняя и сильная вера просящего».

После этого Пелагея отправилась к деревянному столику, положила фотографию Михаила под хрустальную вазу, налила в нее воду, зажгла большую белую восковую свечу и, вполголоса читая молитвы и шепча заговоры, стала проводить отливку. Это продолжалось долго, минут сорок. А я все

это время молилась. Чтение молитвы мне давалось с большим трудом, возникали препятствия, постоянно запинаясь на полуслове, не могла сосредоточиться, в голову лезли какие-то посторонние, отвлекающие мысли, хотелось плакать, и мне вновь и вновь приходилось начинать молитву заново.

После Михаила отливку делали мне. Когда все завершилось, я была морально и физически истощена. Сказались предыдущая бессонная ночь и нервный день, проведенный на ногах. Пелагея, видя мое состояние, сказала, что ей нужно закончить кое-какие дела, отправила меня спать, пообещав утром рассказать о результатах отливки. Я уснула мгновенно, едва голова коснулась подушки, спала крепко, без кошмарных сновидений, мучивших меня на протяжении предыдущих ночей.

Тетя разбудила меня рано, с первыми петухами. Сообщила, где находится уборная, умывальник, и что будет ждать меня на кухне. Когда я вернулась, Пелагея первым делом дала выпить какой-то горький отвар на заговоренных травках, после этого начала говорить о результатах отливки, да поучать, что мне нужно будет сделать.

На вас обоих порча, а на Михаиле так еще и присушка, сделана давно, более года назад. В обоих случаях колдовал один человек, ведьма, но не потомственная, самоучка. Очень злобная, двух своих мужей приворожила и в могилу свела. Порча на смерть сделана, для этого ведьма договор с покойником заключила. Вчера был критический момент, Михаил

одной ногой уже перешагнул за последнюю черту, но страшное, непоправимое удалось предотвратить. Это хорошо, что вы не зачали ребеночка, иначе бы порча и на него перешла. Защиту я на вас поставила, но этого мало. Теперь главное у тебя в доме или во дворе подклад отыскать, обезвредить, да зло назад отправить тому, кто порчу навел, пусть он своим же «добром» захлебнется.

Подклад – это заряженный негативной энергией предмет, который подбрасывает человек, завидующий жертве или желающий ей навредить. Предмет, как правило, нацелен на конкретного человека, но может оказывать влияние и на других, например, на случайно нашедших подклад людей, и на них разрядиться. Всегда прячется в незаметном укромном местечке.

Подклад может быть самым разным, чаще всего мелкие предметы: иглы, булавки, пуговицы, перья, кости животных, высушенная жаба, пучки волос, угольки, полоски ткани, нитки, веревочки с узелками, различные зерна. Обращай внимание на любой незнакомый, подозрительный предмет. Найти подклад можно где угодно – под порогом, дверью, в доме в любом месте (в горшках с цветами, подушке, в одежде, под обоями, под плинтусом), в одежде. Но обнаружить непросто, порой он так хитро действует, что смотришь на него да не видишь.

Но я тебе помогу, дам специальные свечи, заговоренные на поиск подклада. Когда приедешь домой, поджигай свечу

спичкой и, начиная от входной двери, двигаясь по ходу солнца, обойди все комнаты, все помещения. Следи за поведением свечи. Если в каком-то месте она начнет сильно коптить, трещать, брызгать воском, то там и может быть спрятан подклад.

Когда найдешь подклад, ни в коем случае голыми руками не трогай. Либо совком, либо бумагой, либо старой тряпкой, помести в бумажный сверток или хлопчатобумажную ткань. Не теряя времени, вези ко мне. И запомни, несмотря ни на что, не обращая ни на какие известия, первым делом найди подклад! Уже после этого напои Михаила отваром, вот тебе баночка с ним. А сейчас позавтракаешь.

Слова Пелагеи о том, что Михаил одной ногой уже перешагнул за последнюю черту, и намек на то, что меня дома поджидают какие-то известия, сильно взволновали, напугали. Я растерянная сидела за столом, уставленным посудой, накрытой сверху полотенцами, расшитыми по краям красными рунами.

А тётя тем временем приоткрыла окно и негромко позвала: «Архипыч, зайди в избу».

Спустя минуту открылась дверь, и зашел невысокий мужичок, на вид лет за пятьдесят. При входе он снял кепку, скрывавшую загорелую гладко выбритую голову. Недостаток волос на голове компенсировался окладистой кучерявой полностью седой бородой.

Пелагея тут же стала инструктировать: «Так, Архипыч,

это Любава, о которой я говорила. Будешь весь день с ней. Вот эту баночку с мазью передашь своей жене, а вот эту – дочке, они знают, что с этим делать. Сейчас плотно покушайте, вам обоим нужны силы, обязательно возьмите перекус в дорогу. День будет долгий, проголодаетесь. А все оставшиеся продукты вынесете во двор, людям, ночевавшим будет чем позавтракать. И вот еще что, Архипыч, после того как поешь, выпей отвар в стакане, увидишь, он хорошенько взбодрит, не уснешь за рулем. Да, езжайте с Богом. А ты, Любушка, по дороге не забывай молиться. Не прощаюсь, сегодня еще увидимся. Пойду, пару часов отдохну. У меня тоже день будет непростым. Как всегда...»

Мы с Архипычем выполнили наставления знахарки, после этого он на красном старом «Москвиче» повез меня домой. По дороге мы разговорились, и я узнала, что Пелагея уже много лет исцеляет Архипыча и всю его родню. Вчера привозил лечиться десятилетнюю внучку, но не дождался приема, собрались ночевать в машине, однако ночью Пелагея приняла их, а потом попросила об услуге. Внучку Архипыч уже отвез домой и вернулся назад. Тут я поняла, что тетушка ночью не спала, заранее побеспокоилась о том, чтобы как можно быстрее победить порчу.

Когда Архипыч остановил «Москвич» возле ворот моего дома, и я только выбралась из салона, ко мне подскочила соседка, тетка Клава, и запричитала: «Что деется, что деется... Пока тебя не было, Мишка твой повесился...»

От этих слов меня бросило в жар, голова закружилась, в глазах померкло, ноги стали ватными, и я чуть не грохнулась на землю. Благо что Архипыч успел подскочить, подхватил на руки. А я приглушенно, словно через вату, слышу противный голос соседки:

- Да ты, Любка, не спеши падать-то, дослушай до конца. Мой Федор вечером домой возвращался и говорит, сам не понял, как у тебя во дворе оказался. Стоит перед крыльцом, и тут слышит в избе что-то бумкнуло. В окно глянул, а там на полу табуретка лежит, а над ней Мишка твой ногами сучит. Ну, в общем, Федор его из петли вытащил, да в поликлинику отвез, там мужика твоего привели в чувства. Нюрка, медсестра, сказала, всё с ним нормально, только не в себе он. Так что живой он, живой! Надо же до такого состояния довести несчастного...

И тут Архипыч, выдал Клавке:

- Да ты что, баба, сбрендила? Кто же такие новости подобным образом сообщает? Совсем ополоумела?

Клавка какое-то время препиралась с Архипычем, а я от радости чуть не разрыдалась: «Живой! Главное, живой!» Первым делом хотела помчаться в поликлинику, но тут вспомнила слова Пелагеи: «Миша перешагнул за последнюю черту, но страшное, непоправимое удалось предотвратить... Запомни, несмотря ни на что, не обращая ни на какие известия, первым делом найди подклад!»

И тут же, как вспышка молнии, пришло озарение: «Зна-

чит, Пелагея уже тогда всё знала, но не стала ничего мне конкретно говорить, чтобы я с ума не сошла, не извелась по дороге домой! Всю ситуацию контролировала, сделала всё, чтобы моего Мишеньку спасти! И Федора к нему вовремя привела! Это какими же она невероятными способностями обладает, чтобы такое сделать!? Значит, надо не в поликлинику бежать, а искать этот колдовской подклад, не теряя ни минуты!». Я крепко сжала кулаки, и ногти сильно впились в ладони, но я не чувствовала боли. Только одну мысль: «Найти. Сжечь. Вернуть зло обратно». И в этой мысли было столько ярости.

Я сделала всё, как научила тетушка, долго и тщательно, на несколько раз обыскала все помещения, вещи, предметы в избе, но безрезультатно. Белая заговоренная свеча горела ровно, не подавая нужного знака. Изнервничалась вся. Время уходило, как песок сквозь пальцы, а проклятый подклад где-то поблизости продолжал распространять смертельную порчу. Начала злиться на себя, думая, делаю что-то не так, забыла, упустила. И тут снова услышала в голове голос Пелагеи: «Главное, в доме или во дворе подклад отыскать».

Во дворе! Значит, в избе чисто, нет колдовства. Бегом во двор! Там-то свеча почти сразу начала работать: возле стены веранды закоптила, забрызгала горячим воском. И я тут же в отдушине фундамента под верандой нашла связку какой-то гадости. Чего там только не было: перья, ниточки с узелками, кусочек мыла, игла, ещё что-то непонятное. И что сильно

испугало, черные, явно моего Мишки волосы. Значит, вращина лично с ним общалась. Как научила Пелагея, тряпкой эту гадость поместила в бумажный пакет вместе с тряпкой. Затем с молитвой «Отче наш» окропила святой водой место, где этот проклятый подклад лежал, трижды перекрестилась. Потом три дня подряд по утрам пила святую воду с молитвой «Да воскреснет Бог».

Бросилась к Архипычу, спавшему в машине, разбудила: «Просыпайся, дорогой! Заводи, поехали назад!». И вновь голос Пелагеи слышала: «Уже после этого напои Михаила отваром, вот тебе баночка с ним». Тут же меняю маршрут, поехали в больницу. Когда вошла в палату, Миша лежал под капельницей, находясь в полузабытии. Со мной не стал общаться, но мне все же удалось, хоть и с трудом, заставить его выпить волшебный отвар. Сначала думала увезти его к Пелагее, но, поговорив с врачом, решила, что будет надежнее оставить в больнице под присмотром. Да и тетушка словом не обмолвилась, чтобы его привезла. Обняла любимого и поспешила назад, на хутор знахарки.

Добрались к тетушке ближе к вечеру. Пелагея внимательно посмотрела на подклад и выдала заключение: «Видишь мыло, это кусочек от обмылка, которым умершего перед погребением обмывали. Порча на смерть, договор с покойником. Лютую злобу, ненависть изливала закливая, когда колдовала. На тяжкий грех пошла. Это ей не впервой, уже сводила людей в могилу. Но больше не будет, отколдовала,

ключ не поставила. А ключи на подкладе – важное дело, это закрытие заклатья. Был бы ключ, то никто, кроме наставшего, не смог снять колдовство. Ошибку допустила или не умеет, и за это поплатится, свое же зло в тройном размере отдаст».

После этих слов Пелагея на минуту замолчала, о чем-то раздумывая, а потом посмотрела на меня бездонными глазами, и начала не спеша говорить:

- Ты, Любаша, не переживай, самое страшное уже позади, осталось дело за малым, вернуть порчу лютую тому, кто её наслал. И как удачно всё складывается, ведь сегодня полнолуние, как раз самое время для этого. Слушай теперь внимательно, да хорошенько запоминай. Как стемнеет, Архипыч тебя отвезет к перекрестку дорог, место подскажу, остановится, не доезжая метров сто, а ты пойдешь одна, подготовишь костер, при этом крестись со словами: «Господи, благослови». Затем спичками разожжешь огонь со словами: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Очертишь веткой вокруг костра круг. После этого трижды перекрести подклад со словами: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа сгинь, все злое и наговоренное» и брось в горящее пламя. Следом высыпь содержимое вот этого холщового мешочка, в нем сосновые иголки, чертополох, полынь и другие травы, помогающие изгнать колдовство. Как только подклад загорится, произнеси: «Уходи, зло, туда, откуда пришло. Назад тебе дороги нет. Аминь, Аминь, Аминь». Пока горит огонь, читай мо-

литву «Отче наш», да следи, чтобы дым на тебя не попадал. Как только убедишься, что все полностью сгорело, левой ногой (это для женщин) разбросай золу на все четыре стороны, прочитай молитву «Живый в помощи» и, не оглядываясь, возвращайся назад, всё время повторяя слова: «Господи, спаси и сохрани».

Заметив на моем лице неуверенность, тетушка, улыбнувшись, подсказала:

- Если боишься что-то позабыть, не вспомнить, перед началом произнеси: «Господи, дай мне памяти».

Затем продолжила наставление:

- Завтра утром перед твоим отъездом проведу еще одну отливку тебе с Михаилом. А когда вернешься домой, не откладывая, отправляйся в церковь, поставь одну свечу за здоровье своих врагов, закажи службу о здравии своём и рабе божьем Михаиле, ступай к иконе Николая Чудотворца, поставь свечу, помолись, своими словами попроси у святого старца помощи от всех врагов и защиты от чужого колдовства. Вскоре наславший на вас порчу себя проявит, либо сам заявится, либо придут о нем известия. Но вам бояться не надо, я уже поставила на вас надежную защиту, а Миша к твоему приходу оживет, станет прежним человеком.

После этих слов, тяжело вздохнув, добавила:

- А сейчас мне надо еще кое-что сделать с этой дрянью, а ты пока в избе полы помой, а затем выучи вот эти молитвы,
- Пелагея достала молитвослов и указала на каждую.

Ближе к полуночи Архипыч отвез меня к перекрестку, и я сделала всё, как научила тетушка-знахарка. Утром, после отливки, Пелагея наказала, чтобы мы с Михаилом снова приехали через неделю для снятия оставшегося негатива. Нам пришлось ездить дважды, здоровью Михаила был нанесен очень сильный вред.

Когда в последний раз приезжали, я, не скрывая слез, благодарила Пелагею за бесценную помощь. Она тоже расчувствовалась, крепко обняла меня и сказала:

- Ты прежде всего должна благодарить свою бабушку Устинью, это ведь она уберегла, защитила вас. Теперь тетка моя для тебя ангелом-хранителем является, молись постоянно за неё, - затем после короткой паузы добавила: - К сожалению, при ее жизни было между нами отчуждение, недопонимание. Она ведь светлый, набожный человек. А мое ремесло считала черной магией, неугодной Богу. Но ты же видишь, я плохого не делаю, молитвами, да травами людей исцеляю, лишь иногда приходится возвращать ворожеям да колдунам их лютное зло. Если это грех, то, конечно, я за это перед Богом отвечу. Но ведь почему-то Устинья, будучи на том свете, отправила тебя за помощью именно ко мне. Но ты держись от магии подальше, это действительно грех. Живи с добрыми помыслами, молись, и магия тебя не затронет. А в ближайшее время сходи в храм исповедайся о том, что за помощью к знахарке обращалась, да причастись. И все у вас наладится.

И действительно, все наладилось, мы с Мишей жили дол-

го и счастливо, в любви, согласии, сыграли свадьбу, родили, воспитали хороших помощников – двух дочек и сыночка. Старшую дочку называли Устинья, вторую, как вы догадались, – Пелагея. Почти двадцать лет шли вместе по жизни рука об руку, но... внезапно нагрянула горькая беда, за несколько месяцев извела любимого, ненаглядного смертельная болезнь. Была бы жива Пелагея, то я уверена, излечила моего нежного медведя, но, к сожалению, к тому моменту народной целительницы, доброй, отзывчивой женщины уже два года как не было на белом свете.

Конечно, вас интересует, а кто же наслал порчу? Какая у него судьба? А случилось всё, как и предсказала Пелагея, черная ведьма-паучиха захлебнулась своим же «добром». Узнали мы об этом после того, как у Михаила зажила нога, и он повез меня в свой отчий дом знакомить с матерью, сестрой и другими родственниками. А сестра и рассказала, что две недели назад нашли мертвой в своем доме сорокалетнюю женщину. По словам обнаруживших покойницу, зрелище было не для слабонервных, глаза выпучены, на лице застыла маска ужаса. Похоже, что перед смертью что-то её очень сильно напугало. Экспертиза не выявила следов насилия, а вскрытие показало, что пострадавшая умерла от остановки сердца. Похоронами занималась старшая сестра покойной, от нее-то местные узнали, как тяжело жилось покойнице, двух мужей схоронила бедняжка.

Покойница не местной была, пришедшая. Появилась в по-

селке полтора года назад, приехала из Казахстана, после того как там известные события начались. Далеко не красавица, внешне ничем не примечательная, даже подержаться мужику не за что, но умела, как говорится, без мыла в любую дырку залезть. Деньги у нее водились. Сошлась с председателем, дела вместе проворачивали, при его поддержке развила бурную деятельность, сначала продуктовый ларек открыла, потом магазин промтоваров. До неё уже пробовали в поселке торговать, но дело не задалось, у людей денег почитай не было. А у этой все раскрутилось, она товары и самогонку в долг давала. А потом долги с процентами либо хорошими вещами забирала. Мужики на нее, считай за так, батрачили. За долги крышу поменяли, надворные постройки отремонтировали. В общем, паучиха многих в свои сети заманила.

Как-то раз жены трех мужиков пошли с ней разбираться, да словами всё не ограничилось, оттащали паучиху за космы, надавали тумачков. Но недолго праздновали победу, вскоре у одной руку скрючило, другая ногу сломала, у третьей корова сдохла. В общем, люди стали держаться подальше от паучихи.

Долго рассказывать, но в эти сети угодил и Михаил (он мне об этом наедине рассказал). Как-то раз позвала паучиха его проводку в магазине сделать, а он сразу наперед предоплату потребовал. Когда закончил работу, она с ним полностью рассчиталась и тут же предложила в своем доме проводку обновить. Приступил к работе, во время обеда бутыл-

ку на стол поставила, но Мишка непьющий, отказался. А вот сытного борща со вторым отведал, а затем даже не понял, как в постели с ней оказался. Работу сделал качественно, но денег так и не получил. После этого началось, говорит, не хочу, воротит от нее, не понимаю, как, однако ноги сами к ней ведут, прихожу в себя после постели. Даю зарок, больше никогда, но все по новой. А затем, как и все мужики, стал на нее бесплатно работать. Тяготило все это, но ничего поделать не мог. Только на северах себя хорошо чувствовал.

А когда мы сошлись, и перед вахтой Михаил приехал к матери вещи забирать, встретился с ней. Она увидела, как он грузится в машину, подошла, спросила: «Куда собрался?» Мишка, чистая душа, гордо сообщил: «Женюсь, уезжаю». А та в ответ: «А как же мы, ты что, меня бросаешь?» «Да нет никаких мы, – заявил Мишка, – ты пользовалась мной, как хотела. И скажу честно, в постели ты максимум на троечку. Всё, забудь обо мне». А паучиха с угрозой: «Я-то забуду, а вот ты – нет. Еще пожалеешь. Очень пожалеешь». Мишка не придал этому значения, и, как оказалось, напрасно.

Так вот, нашли ее мертвой, через несколько дней после того, как подклад был уничтожен, и колдовство было возвращено назад. Вид у покойницы был ужасный, значит бумеранг судьбы назад вернулся. Вот недаром в народе говорят: «Не рой яму другому».

Закончу свою историю следующими словами: «Магия, бесспорно, есть. Она Богу негодная. Люди добрые, держись

от нее подальше, ибо этот большой грех, за который обязательно придется рассчитаться. Человек должен добром жить, на чужое не зарится»

Наведенная порча. Или подлый удар откуда не ждешь

Прежде чем вы узнаете очередную жизненную историю, связанную с черной магией, приведу краткую справку.

Пóрча (от русского портить) – древнее суеверие, которое основывается на людской вере во вредоносное магическое влияние, оказываемое со стороны недругов, недоброжелателей, завистников. В качестве результатов подобного влияния принято считать - различные болезни, психические расстройства, преждевременную кончину, распад семей, разлад в делах и разрыв добрых отношений, расторжение договоров, обетов, клятв.

А теперь сама мистическая история, которой поделилась читательница с ником Лилия. Далее повествование пойдет от её лица.

Кто бы что ни говорил, но наведенная порча – это ни байка, ни миф, это суровая, часто страшная реальность. Заявляю это, опираясь на историю моей семьи. Верить или не верить, решать каждому. Произошло это давно, но помню всё хорошо, поскольку сама стала участницей тех событий. А дело было так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.